

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.331)''18/19''+316.356.2

ПРЕСТУПНИЦА ИЛИ ЖЕРТВА: ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

А. П. Богомаз

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена изучению основных форм бытового насилия, которому подвергалась женщина в семье в конце XIX – начале XX в. в Тверской губернии. На основе исследования преступлений женщин, описанных в архивных делах, выявлена и исследована природа зависимости между формой насильственного воздействия на женщину: психологического, физического, экономического и путями её превращения из жертвы насилия в преступницу.

Особое внимание уделяется роли обычного и проникающего в деревню «писаного» права при разрешении бытовых конфликтов. Методологический подход микроистории позволил, детально изучив типичные уголовные дела преступниц Тверской губернии, выявить формы домашнего насилия, которому подвергалась женщина в рассматриваемый период в Российской империи, способы ее самозащиты.

Ключевые слова: *бытовое насилие, женская преступность, Тверская губерния, дореволюционная Россия.*

Анализ структуры, качественных и количественных характеристик женской преступности конца XIX – начала XX в. показывает, что противоправные деяния женщины совершали в своём ближайшем окружении, в первую очередь в семье. Среди жертв женских преступлений преобладают дети, мужья, ближайшие родственники, что позволяет характеризовать данную форму преступности как бытовую. В криминологии этим понятием объединены деяния, совершенные на бытовой почве, т. е. выражающие конфликт интересов лиц, связанных между собой личностными и общественно-бытовыми отношениями². К бытовой преступности женщин можно отнести убийство родственников (ст. 1451), покушение на их жизнь и здоровье (ст. 1583–1584), нанесение повреждений имуществу родственников (ст. 1590,

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ТвГУ, Т. Г. Леонтьева.

² Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1999. С. 132.

Bol'shoj juridicheskij slovar', pod red. A. Ja. Suhareva, V. D. Zor'kina, V. E. Krutskih, M., 1999, S.132.

1598), неуважительное отношение к родителям (ст. 1492, 1591–1592). В Своде законов Российской империи существует раздел, посвященный преступлениям против прав семейственных, куда входят преступления против брачного союза (ст. 1549–1585), злоупотребления родительской властью (ст. 1586–1590), преступления детей против родителей (ст. 1591–1592) и преступления против союза родственного (ст. 1593–1600)³.

В то же время при изучении дел о женской бытовой преступности становится очевидным, что преступление часто являлось результатом невыносимых условий жизни с мужем или его родственниками: побоев, угроз, оскорблений, домогательств. Ситуация усугублялась тем, что женщины в патерналистской семье «почти полностью были исключены из социоправовой сферы» и не всякая решалась обратиться в суд для доказательства жестокого обращения⁴. Таким образом, постоянно действующее насилие (физическое, психологическое, сексуальное или экономическое) внутри семьи, направленное на женщину, которая в итоге, часто в состоянии аффекта, шла на преступление, делало грань между преступницей и жертвой, необходимой самообороной и нападением трудноразличимой.

В данной статье автор ставит целью выявить основные формы насилия, которым подвергалась женщина внутри семьи, и показать механизм её превращения из жертвы в преступницу. Для достижения поставленной цели необходимо провести детальное изучение наиболее типичных случаев бытовых преступлений женщин в Тверской губернии в конце XIX – начале XX в.

Задачи исследования определили круг необходимых источников: мемуары⁵ и архивные дела из фондов окружного суда⁶, полицейского управления⁷, врачебного отделения⁸, анализ которых позволил найти ответы на поставленные вопросы. Ограниченность круга источников и сведений связана со спецификой изучаемого явления: бытовая преступность находилась на границе обычного и писаного права. Если завершение дела не имело смертельного исхода, то в таких случаях потерпевшие предпочитали не обращаться во властные структуры, решая их в семейном или традиционном порядке.

³ Свод законов Российской империи. СПб. 1906. С. 172.

Svod zakonov Rossiiskoi imperii, SPb. 1906, S. 172.

⁴ Леонтьева Т. Г. Женский фактор в жизни православного прихода (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 203, 206.

Leont'eva T. G., *Zhenskij faktor v zhizni pravoslavnogo prihoda (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.)*, Social'naja istorija, Ezhegodnik, 2001–2002, M., 2004, S. 203, 206.

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 901. Л. 10.

Tver State Region Archive (GATO), F. R-570, Op. 2, D. 901, L. 10.

⁶ Там же. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2772, 2986, 3015, и др.

Ibid, F. 660, Op. 3, D. 2772, 2986, 3015, e.c.

⁷ Там же. Ф. 813. Оп. 3. Д. 84.

Ibid, F. 813, Op. 3, D. 84.

⁸ Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 64520, 65434, 65514, 66993, 67002.

Ibid, F. 466, Op. 1, D. 64520, 65434, 65514, 66993, 67002.

Ярким примером такого рода может служить дело, описанное судебным следователем Скульским в мемуарах. Итог его был типично трагичным – смерть мужа и длительное заключение жены. Следователь описывает убийство в деталях, анализируя ситуацию, мотивы преступницы и факторы, подтолкнувшие её к совершению этого тяжкого преступления.

Недалеко от деревни на дороге был найден труп крестьянина с рубленной раной на голове. Расследование началось с расспросов жены, которая с первых же слов призналась, что «лишение жизни причинила она: муж был пьяница и в пьяном виде зверь»⁹. Показания её были подтверждены всеми соседями. В день совершения преступления муж в очередной раз явился домой нетрезвым, начал буяннить и по обыкновению грозить жене побоями. Здесь следует отметить, что с точки зрения норм обычного права побои жены не считались преступлением, а, наоборот, нормой семейной жизни¹⁰.

Запуганной женщине показалось, что муж ищет топор, чтобы разделаться с ней. Тогда она первой выхватила его из-под лавки и нанесла удар по голове супруга. После совершения убийства в состоянии аффекта женщина вытащила труп на улицу и «выволокла» за околицу. Всё это рассказало следователю «без всяких препирательств»¹¹.

В данном случае женщина постоянно подвергалась насилию – физическому и психологическому. Механизм превращения жертвы в преступницу типичен – условно его можно назвать «пружинным»: в результате постоянного бесперебойного давления сработал (как пружина) инстинкт самосохранения и безмолвная жертва превратилась в жестокого мстителя. Женщина-жертва изменила стратегию поведения: вместо того чтобы и дальше терпеливо сносить побои, она устранила «внешний источник давления» – мужа. Подобные случаи описаны Скульским, а также часто встречаются в делах фондов окружных судов и врачебного отделения¹².

Был и второй вариант избавления от насилия – самоустранение, самоубийство. В одном из судебных дел представлена судьба женщины – матери шестимесячного ребенка, пытавшейся утопиться вместе с ним, спасло её только то, что в колодце было недостаточно воды. В ходе расследования выяснилось, что причиной её отчаяния стал переезд свекрови и, как след-

⁹ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 901. Л. 10.

ГАТО, Ф. Р-570, Оп. 2, Д. 901, Л. 10.

¹⁰ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность: традиции конца XIX – начала XX века. М.; Тамбов, 2004. С. 117.

Bezgin V. B., *Krest'janskaja povsednevnost': tradicii konca XIX – nachala XX veka*, М., Tambov, 2004, S. 117.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 901. Л. 10.

ГАТО, Ф. Р-570, Оп. 2, Д. 901, Л. 10.

¹² Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 65434, 65514, 67002; Ф. 660. Оп. 3. Д. 2772, 2986, 3015, 3766, 3852, 3883.

Ibid, F. 466, Op. 1, D. 65434, 65514, 67002; F. 660, Op. 3, D. 2772, 2986, 3015, 3766, 3852, 3883.

ствие, осложнение отношений с мужем¹³. Такой вариант избавления от насилия внутри семьи также был достаточно типичен¹⁴.

Отношения с семьёй мужа, особенно со свекровью и свекром, заслуживают отдельного рассмотрения. В ходе исследования были выявлены случаи взаимной агрессии. В одном случае с заявлением в суд обратилась свекровь. Заявительница, описывая ситуацию, утверждала, что её сноха Прасковья Федорова, «желая или зло поступить надо мной, или, может быть, испортить мне здоровье», налила ей из кадки в рюмку и подала под видом водки крепкого уксуса¹⁵. Спасло свекровь от смерти только то, что она вовремя заметила обман и выплеснула уксус, который слегка обжег ей рот. В момент подачи заявления её здоровью ничего не угрожало, и даже следы уксусного ожога уже исчезли. В качестве аргумента, доказывающего умышленное покушение, свекровь отмечает, что в момент происшествия мужчины находились в отходе, дома помимо потерпевшей и обвиняемой находилась только шестнадцатилетняя внучка потерпевшей. К делу свекровь приложила и вещественное доказательство – «отобранную у снохи со сковку с остатками уксуса»¹⁶.

В деле сохранились показания обвиняемой, Прасковьи Федоровой, которые позволили закрыть дело. 23-летняя обвиняемая, крестьянка, православная, неграмотная, несудимая, сноха обвинительницы показала: «Я налила в рюмку уксуса свекрови без дурного умысла, по ошибке; за невольную ошибку испросила уже прощения и дала обещание впредь свекровь свою не обижать и жить с ней в мире»¹⁷. Второй случай схож по сюжетной линии с первым, с небольшой переменой действующих лиц: заявительница – сноха, Наталья Венедиктова, обвиняемая – свекровь Мария Иванова¹⁸.

Отношения между свекровью и невесткой, исходя из вышеприведённых примеров, с трудом можно назвать семейными. Обе стороны на страницах уголовных дел свидетельствуют о неладах друг с другом и о том, что во время присутствия мужчин (мужей, сыновей) дома соблюдается нейтралитет, то стоит им уехать, как военные действия между женщинами приобретают открытый характер.

Проявление психологического насилия, направленного у снохи и свекрови друг на друга, было обоюдным: длительное психоэмоциональное воздействие получало закономерные «разрядки» в периоды отсутствия

¹³ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 3134.

ГАТО, Ф. 660, Оп. 3, Д. 3134.

¹⁴ Там же. Ф. 813. Оп. 3. Д. 84. Л. 40 об., Л. 60 об.

Ibid, F. 813, Op. 3, D. 84, L. 40 ob., L. 60 ob.

¹⁵ Там же. Ф. 660. Оп. 3. Д. 3120. Л. 2.

Ibid, F. 660, Op. 3, D. 3120, L. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2.

Ibid, L. 2.

¹⁷ Там же. Л. 4.

Ibid, L. 4.

¹⁸ Там же. Д. 3468.

Ibid, D. 3468.

мужчин в виде насилия физического – покушений на отравления. Выбор орудия преступления – бытового яда (уксуса, мышьяка) – свидетельствует о запланированности поступка и желании женщины-преступницы избежать ответственности за него.

Подача заявлений женщинами во властные инстанции свидетельствует о начале постепенного проникновения писаного права в пореформенную деревню, росте женского самосознания и эмансипации, что выражалось в стремлении женщин обезопасить себя от жестокости родственников через обращение к властям за защитой.

В то же время позиции патриархальной традиции были достаточно крепки, т. к. обращение к властям происходило в момент отсутствия мужчин дома. Власть как бы берёт на себя функцию главы семьи по урегулированию споров и конфликтов между женщинами.

Не менее сложными были отношения молодой снохи со свекром, они таили ещё одну форму насилия – сексуально-психологическую со стороны последнего. По мнению ряда дореволюционных и современных авторов, половые сношения между главой крестьянской семьи и снохой были фактически обычной стороной жизни¹⁹. Причины широкого распространения этой порочной практики исследователи видят в сезонном оттоке молодых мужчин на заработки, введении всеобщей воинской повинности, ранних браках и снисходительном отношении деревенской общественности²⁰.

Инструменты воздействия на сноху с целью принуждения к сожительству были достаточно просты: уговоры, посулы легкой работы и подарки. В большинстве случаев этот вид насильственного воздействия вступал в силу во время отсутствия супруга (отход, служба). Чаще всего свекор достигал поставленной цели, и сноха сдавалась, иначе её ждали непосильная работа, сопровождаемая ругательствами и придирками, а часто и побоями²¹.

В пореформенной деревне появились женщины, которые пытались найти защиту в волостном суде, но, как правило, представители крестьянского суда самоустраивались от разбора таких дел. Дореволюционные авторы фиксируют наличие подобных обращений, а также существование единичных примеров доведенных до конца разбирательств с наказанием «снохача»²².

¹⁹ См.: *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877; *Весин Л.* Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // *Русская мысль*. 1891. Кн. 10; *Оршанский И. Г.* Исследование по русскому праву: обычному и брачному. СПб., 1879; *Безгин В. Б.* Указ. соч.

Smirnov A., *Ocherki semejnyh otноshenij po obychnomu pravu russkogo naroda*, М., 1877; *Vesin L.*, *Sovremennyj velikorus v ego svadebnyh obyčajah i semejnoj zhizni*, *Russkaja mysl'*, 1891, Кн. 10; *Orshanskij I. G.*, *Issledovanie po russkomu pravu: obychnomu i brachnotu*, SPb., 1879; *Bezgin V. B.*, *Op. cit.*

²⁰ *Смирнов А.* Указ. соч. С. 110–112.

Smirnov A., *Op. cit.*, P. 110-112.

²¹ *Весин Л.* Указ. соч. С. 54.

Vesin L., *Op. cit.*, P. 54.

²² *Оршанский И. Г.* Указ. соч. С. 58.

Orshanskij I. G., *Op. cit.*, S. 58.

В фонде Тверского окружного суда было обнаружено дело по обвинению в кровосмешении между свекром и невесткой (по сути, «снохачество»)²³. Заявителем по делу был сын и муж, который утверждал, что вдовый отец специально отправил его в солдаты, чтобы иметь возможность общаться с его женой. Вопрос до суда не дошёл, решился допросом обвиняемых, которые всё отрицали, и свидетелей, видевших их вместе и не более того. Дело было закрыто за отсутствием прямых улик и в связи с тем, что на месте преступления свекор с невесткой пойманы не были.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди архивных дел различных фондов за рассматриваемый период не было выявлено ни одного дела по обвинению снохи в убийстве свекра или причинении вреда его здоровью. Это свидетельствует о том, что большинство дел не доходило до властных инстанций, решалось внутри семьи, а также позволяет предположить, что данное сексуально-психологическое воздействие действительно было традиционным и как насилие не воспринималось.

Исследователь крестьянской повседневности В. Б. Безгин указывает на то, что в крестьянском дворе, где в рамках большой патриархальной семьи часто проживали несколько смежных пар, распространение получило сожителство между деверем и невесткой²⁴. Случай такой кровосмесительной связи находим в деле об оскорблении словами крестьянки Александры Ивановой²⁵. Она обращается с прошением о привлечении к уголовной ответственности мужа и жены деверя за нанесение ей побоев и кровосмешение. В ходе проведения расследования выяснилось, что брат мужа заявительницы солдат Федор Марков знает о связи жены со своим родственником и всячески её поощряет. Свидетельством этому служат его слова, приведённые в показаниях Александры Ивановой: «Что на неё смотреть, будет ворчать, хлестни её по уху, с нас и моей жены хватит»²⁶. По конфигурации действующих лиц дела видно, что вряд ли обвиняемая жена деверя является жертвой насилия, т. к. помимо кровосмешения она принимает участие и в истязаниях заявительницы.

Александра Иванова, подвергаясь и психологическому, и физическому насилию, не видит никакого выхода для себя, кроме как обратиться во властную инстанцию (окружной суд или судебный следователь) или совершить самоубийство. В отличие от рассмотренной выше ситуации, когда насильственное воздействие идёт только со стороны мужа, в этом примере давление оказывается группой лиц, что делает невозможным «пружинный» механизм борьбы с насилием. Выбор первой стратегии Александрой Ивановой показывает эмансипацию женского традиционного сознания.

²³ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2876.

ГАТО, Ф. 660, Оп. 3, Д. 2876.

²⁴ Безгин В. Б. Указ. соч. С. 293.

Bezgin V. B., *Op. cit.*, P. 293.

²⁵ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2986.

ГАТО, Ф. 660, Оп. 3, Д. 2986.

²⁶ Там же. Л. 11.

Ibid, L. 11.

Ещё одна типичная ситуация, касающаяся отношений мужа и жены, раскрывается в деле «... о причинении телесных повреждений крестьянке... Анне Родионовой Кураковой её мужем Кураковым Никитой Федоровым»²⁷. Уголовное дело выросло из бытовой ссоры. По словам обвинительницы, вечером после рабочего дня они с мужем легли спать в «каморке» (избушке) на скотном дворе. Там она «имела с ним “дело”», потом он вдруг стал придирается к ней, говоря, что она ему не нужна, что она «холодная», на что жена ему ответила: «Ищи, какую погорячей», а муж не растерялся и говорит: «Уже найдена»²⁸. Затем муж стащил жену с постели, поднял рубашку, ударил несколько раз по спине. После этого происшествия Анна ушла от мужа, мотивировав это тем, что перед описанным случаем он бил её ещё три раза²⁹.

Взгляд обвиняемого ею мужа на ту же ситуацию совершенно другой. После «дела» жена его Анна стала вести себя не благопристойно и позволила себе оскорблять свою свекровь, его мать. Он просил ее прекратить, но она продолжала обзывать его самыми «пасквильными словами и этим невольно вынудила его дать ей нравоучение». Поскольку слова не произвели должного эффекта, то он был вынужден взять ремень, которым и «порол ее, сколько ему хотелось»³⁰.

Разбирая крестьянские бытовые отношения, необходимо учитывать не только официальное законодательство (писаное право), но и обычное традиционное общинное право, согласно которому оскорбление родителей и выступление против воли мужа – преступления, а «воспитание» жены таковым не является. Появление такого дела - ещё один сигнал разложения патриархальных традиций и пробуждения женского самосознания. В то же время, судя по его исходу (примирение супругов и возвращение жены к мужу), видно, что новые модели поведения соседствовали со старыми традициями и представлениями.

Рассматривая это дело с точки зрения типов насилия, констатируем умеренное физическое воздействие (без угрозы для жизни) на женщину, которая в силу традиционности своего сознания не оказывает радикального противодействия, но под влиянием становления новых ценностей и стратегий избегает такого насилия или обращения к властям.

Реже встречались примеры, когда жертвами женского преступления становились дальние родственники или соседи. В этих случаях преступления планировались заранее, а инструментом часто был яд³¹.

²⁷ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 3015.

ГАТО, Ф. 660, Оп. 3, Д. 3015.

²⁸ Там же. Л. 7.

Ibid, L. 7.

²⁹ Там же. Л. 11.

Ibid, L. 11.

³⁰ Там жею Л. 10.

Ibid, L. 10.

³¹ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 64520, 66993, 67015.

ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 64520, 66993, 67015.

Характерен в этой связи следующий прецедент: крестьянскую девушку Степаниду Владимирову пыталась отравить мышьяком двоюродная бабушка (тётка отца). После смерти матери и повторного брака отца они вынужденно проживали вместе – Пелагея Прокофьева, двоюродная бабушка, тетка отца, взяла её, т. к. своих детей у них с мужем не было³².

Показательным с точки зрения изменения деревенской жизни является и то, что девушка, когда подросла, стала «наниматься в работу», а заработки отдавать Прокофьевой, про другие виды доходов в их семье Степанида в своих показаниях не упоминает, что подтверждает возможность самообеспечения женщины своими заработками, т. е. рост её независимости.

Поводом к преступлению стала бытовая ссора. После смерти мужа, по мнению родственников, Пелагея Прокофьева стала вести «распутный» образ жизни: заводить дружков (любовников) и тратить заработки племянницы на их угощение. Такое поведение тётки вызвало негодование со стороны Степаниды, о чём она неоднократно напрямую заявляла во время частых ссор. После очередного скандала Прокофьева налила племяннице щей, после которых у неё «помутилось в голове». Первичный осмотр выявил некоторые признаки отравления (следы белого порошка на столе), но по итоговому заключению судебно-медицинского освидетельствования Степаниду признали здоровой, а отравление – «без вредных последствий». В протоколе совещательного присутствия врачебного губернского правления данный прецедент квалифицировался как «случайное заболевание», а скорость наступления болезни признана не свойственной действию большинства ядов. Действительно, ядовитые вещества сложно обнаруживались даже при вовремя сделанной химической экспертизы, поэтому многие дела заканчивались оправданием подозреваемых. Прокофьева ещё долгое время подвергалась психологическому воздействию со стороны своей внучатой племянницы, но тем не менее удержалась от повторных попыток расправиться с обидчицей.

Помимо бытовых преступлений против личности, женщины порой покушались и на собственность родных и совершали кражи. Более тяжкие виды преступлений против собственности (грабежи и разбои) были редки, а в случаях совершения были направлены на соседей или малознакомых людей³³.

Преступления против собственности в рамках семьи в документах представлены «внутрисемейными» кражами, повреждением денежных билетов, векселей. В фонде Тверского окружного суда было выявлено два дела такого рода³⁴. Заявителем выступала считающая себя пострадавшей сторона: в первом случае – жена, крестьянка Мария Пугачева, обвиняющая

³² Там же. Д. 64598.

Ibid, D. 64598.

³³ Обзоры Тверской губернии 1895-1913 гг. [Б.м. б.г.]; ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903.

Obzory Tverskoi gubernii 1895-1913 gg. [B.m. b.g.]; GATO, F. R-570, Op. 2, D. 903.

³⁴ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2856, 3055.

GATO, F. 660, Op. 3, D. 2856, 3055.

мужа в уничтожении причитавшегося ей векселя; во втором – муж, купец 2-й гильдии Дмитрий Шевалев, уличающий свою жену в краже у него значительной суммы денег.

В обоих примерах, завладев деньгами, женщины пытались их спрятать от мужей, присвоить их как личную собственность. Мотивы поступков идентичны: полная экономическая зависимость от мужа и неуверенность в обеспеченности своего будущего. Общих детей в обоих браках не было, зато муж первой имел троих детей от первого брака, а супруг второй – племянниц, о материальном благополучии которых он заботился. Таким образом, обе женщины являлись жертвами экономического насилия (невозможность обеспечить себя и угроза потерять содержание) со стороны своих брачных партнеров. В деле М. Пугачевой отмечаются также элементы физического насилия (побои жены мужем).

Характеризуя экономическую форму внутрисемейного насилия, стоит отметить как ее основные отличительные черты протяженность во времени и эпизодичность воздействия на женщину-жертву. Женщина в рассматриваемый период начинает отходить от традиционных представлений о муже-кормильце и добытчике, обеспечивающем жену, и стремится обеспечить своё будущее самостоятельно, не рассчитывая на благосклонность мужа в будущем. Наблюдая время от времени индивидуалистическое поведение жён, мужья также начинают транслировать недоверие, пытаются обеспечить себе ничем не ограниченный доступ к переданным или подаренным жёнам деньгам и ценным бумагам. Таким образом, недоверие и напряжение в семье растут. Оба случая, зафиксированных в уголовных делах Окружного суда, являют собой примеры правовой незащищенности экономического положения женщин, а также повышения индивидуализации их сознания.

Силу патриархальной традиции подтверждает исход обоих дел – примирение супругов фактически без участия представителей власти, которые были привлечены ими для решения внутрисемейных конфликтов.

На примерах рассмотренных дел о преступлениях против личности и собственности показано, что большинство преступлений совершалось женщинами в ближайшем окружении. Это является специфической чертой женской преступности. Жертвами чаще всего становились мужья, сожители, ближайшие родственники. Мотивами служили желание разрешить затянувшиеся семейные конфликты, стремление вырваться из семьи, реже – корысть.

Исследованные в статье типичные ситуации позволили выявить три основных механизма превращения женщины из жертвы бытового насилия в преступницу, обозначим их условно первый как «пружинный» при физической форме насилия, второй - «продолженного воздействия» - при экономической, третий - «с разрядкой» - при интенсивном психологическом воздействии. Сравним механизмы по нескольким критериям: время насильственного воздействия на жертву, сила и направленность, специфические условия проявления, способы избавления жертвы от насилия.

«Пружинный» механизм характеризуется зависимостью временного параметра от силы воздействия: если интенсивность физического воздействия велика, то и время, когда оно будет действовать, ограничено, и наоборот.

Целенаправленность воздействия на жертву и невозможность укрыться от него заставляет женщину искать способы избавления путем совершения убийства или самоубийства. Все вышеперечисленные способы противодействия насилию противоречат писаному или обычному праву и традиции.

Длительность, эпизодичность и слабая интенсивность при относительной свободе жертвы соответствует «продолгованному» механизму превращения жертвы в преступницу. В такой ситуации женщина использует для избавления от экономического насилия кражу или обращение за защитой себя и своего имущества во властные органы.

Последний механизм превращения жертвы в преступницу - «с разрядкой», срабатывающий только при насильственном воздействии любой формы одной женщины на другую. Он характеризуется следующими условиями: постоянство психологического воздействия на протяжении длительного времени, сфокусированность субъекта насилия на жертве, латентность. Психологическое бытовое насилие приобретает крайние формы в период отсутствия мужчин. Во время сезонного отхода или длительных полевых работ напряженность и интенсивность проявлений насилия приводят к взрывам активности, выражающимся в виде конкретных действий – покушений на убийства с помощью яда или доведения до самоубийства.

Наиболее распространённой формой бытового насилия в семье, которой чаще всего подвергались женщины, было психологическое, в силу того, что оно сопровождало и другие формы насилия: физическое, сексуальное и экономическое. Чаще всего в отношении женщин мужьями, их братьями и отцами применялась грубая физическая сила: побои, нанесение увечий, а также экономическая и сексуальная формы насильственного воздействия, в связи с сохраняющейся зависимостью женщин от мужчин. В то же время необходимо отметить новые черты, возникшие в женском самосознании, которые толкали женщин на защиту своих прав законными методами. Исследователи отмечают, что в рассматриваемый период женщины стали чаще обращаться в суд, и в жалобах пострадавших фигурировали не только мужья-обидчики, но также свекрови и золовки³⁵.

Список литературы

1. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность: традиции конца XIX – начала XX века. М.; Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004.
2. *Леонтьева Т. Г.* Женский фактор в жизни православного прихода (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М.: РОССПЭН. 2004. С.193–212.

THE CRIMINAL OR THE VICTIM: THE FAMILY VIOLENCE AT THE END OF XIX – BEGINNING THE XX CENTURY IN TVER REGION

³⁵ *Леонтьева Т. Г.* Указ. соч. С. 203.
Leont'eva T. G., Op. cit., S. 203.

A. P. Bogomaz

The Tver State University, The Dept of Russian History, *Tver', Russia*

Fundamental forms of the family violence the victim of which there are women and their modus operandi in Tver region at the end of XIX – beginning of XX century are explored in the article. The nature of interaction between psychological, physical and economic violence impact and transformation victims to a criminal is analyzed in terms of the memoirs's and criminal cases's facts. The author pays special attention to the role of traditional and written law in family's conflict resolution. Methodological approach of local history allows to understand the fundamental forms of family violence in Russian empire and basic form of the women's self-defence and level of their emancipation by scrutinizing typical criminal cases of Tver region's women.

Keywords: *the family violence, women's criminality, Tver region, prerevolutionary Russia.*

Об авторе:

БОГОМАЗ Александра Павловна – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (170100, Россия, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: dell6@yandex.ru

About the author:

BOGOMAZ Alexandra Pavlovna – The Post-graduate Student, The Dept of Russian History, The Tver State University, (170100, Russia, Tver', Trehsvyatskaya str., 16/31, off. 207), e-mail: dell6@yandex.ru

References

- Bezgin V. B., *Krest'yanskaya povsednevnost': traditsii kontsa XIX – nachala XX vv.*, M., Tambov, 2004.
- Leont'eva T. G., *Zhenskij faktor v zhizni pravoslavnogo prihoda (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.)*, Social'naja istorija, Ezhegodnik, 2001–2002, M., 2004,

Статья поступила в редакцию 12.11.2014 г.